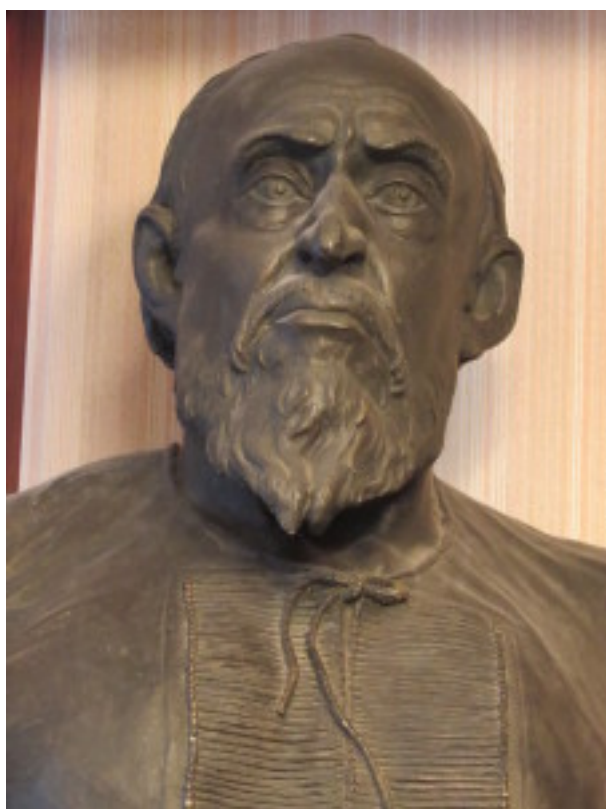

М.М.Герасимова – о жизни, об отце, об антропологии

Поздравляем с Днем Рождения замечательного ученого-антрополога, дочь всемирно знаменитого ученого и автора метода пластической реконструкции по черепу М.М.Герасимова, удивительно светлого и душевно щедрого человека Маргариту Михайловну Герасимову! В этом интервью она поделилась своими воспоминаниями о жизни, о становлении в науке, о наследии отца, о современной антропологии и поиске путей взаимопонимания с другими науками.

Часть I

Мы беседуем с Маргаритой Михайловной Герасимовой у нее дома, где со шкафа на нас сурово смотрят Иван Грозный и Тамерлан, а рядом с ними персидский поэт Рудаки, адмирал Ушаков – знаменитые герасимовские реконструкции. И конечно, первые вопросы – о них.

Иван Грозный, реконструкция М.М.Герасимова

- Маргарита Михайловна, вот эти исторические персонажи поселились у Вас дома, а какова судьба всей коллекции Михаила Михайловича Герасимова?

— Еще в 50-х годах наша матушка предложила отцу собирать коллекцию его работ. Со временем у нас собралась обширная коллекция реконструкций, для которой были заказаны специальные стеллажи. По прошествии многих лет, когда произошел

размен квартиры с семьей моей средней сестры, мама переехала в однокомнатную квартиру и коллекцию перевезла к себе. В течение многих лет к ней приходили экскурсии, организованные Домом ученых, и я рассказывала о работах отца. Кроме личной коллекции работ есть хорошие собрания в Тимирязевском музее, в Дарвиновском, отдельные работы есть во многих музеях страны. Конечно, есть дубликаты реконструкций в Лаборатории пластической реконструкции Центра физической антропологии. Кроме того, именно в нашем центре хранится часть личной коллекции М.М. Герасимова. Несколько работ — у младшей моей сестры, а часть у меня дома.

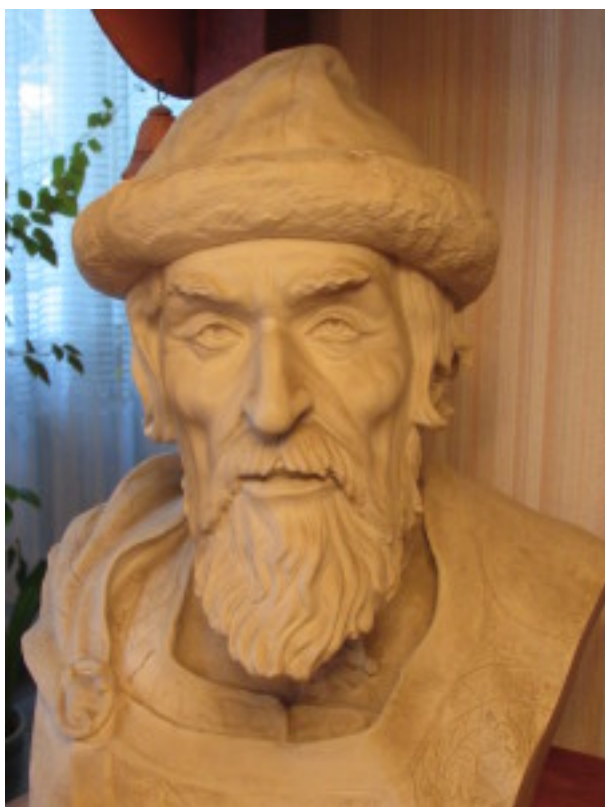

Тамерлан, реконструкция М.М.Герасимова.

Вот здесь — Рудаки, Тимур, Иван и Федор, а вот этот, что затесался посередке, Шахрух, сын Тимура. А вот сделанный из фарфора, еще давно, в Ленинграде – Ярослав Мудрый. Отцу давно хотелось поработать с фарфором, так как гипс – грубый материал, но оказалось, что фарфор все-таки не очень для этого подходит – при обжиге он дает неравномерную усадку, и пропорции искажаются.

(Нас прерывает звонкий собачий голос, миниатюрное создание – померанцевый шпиц – носится вокруг. Маргарита Михайловна сурово: «Маня, тихо! Ну ладно, иди сюда. Ох, я ее так избаловала – у меня раньше очень воспитанные собаки были».)

- Расскажите кратко, как создавались реконструкции?

Ярослав Мудрый, реконструкция М.М.Герасимова.

— Михаил Михайлович работал так. На черепе при помощи восковой мастики прежде всего восстанавливались основные мускулы (жевательные, височные), затем строился по профилю гребень и поперечные и продольные гребни толстот, пространство между которыми заполняется той же мастикой. Самое сложный этап реконструкции — это моделировка глазного яблока, носа и рта. В многолетних исследованиях взаимозависимостей черепа и покрывающих его мягких тканей, было установлено какие детали строения костной основы соответствуют той или иной форме носа, внешней форме глаза и его разреза, форме прикуса и строению рта. Это то, что отец считал документальной маской. Завершающий этап работы над бюстом — с учетом исторических данных — прическа, костюм. Затем скульптура отливалась из гипса и тонировалась под бронзу.

- Этот ковер на стене – кто на нем изображен?

- Это Рудаки. Ковер сделали таджики, подарили отцу. Михаил

Михайлович ведь провел настоящее историко-антропологическое исследование, которое помогло найти могилу Рудаки. Отец изучил подстрочники всех его стихотворений, чтобы выяснить подробности судьбы персидского поэта. Известно, что Рудаки был слепым, но непонятно, слепым ли от рождения, или он потерял зрение? Исследование показало, что его стихи до какого-то момента были наполнены такими зрительными образами, которые не мог бы создать незрячий человек. Но если он потерял зрение, то как – от старости или насильственно? Ответ нашелся в одном стихотворении «Ода старости», где говорится, что поэт был предан, ослеплен, и у него выпали все зубы.

Персидский поэт Рудаки, реконструкция М.М.Герасимова.

В итоге своей работы отец сформулировал 10 условий, которым должна была удовлетворять могила, если это могила Рудаки. Он исследовал костные останки из предполагаемого захоронения и подтвердил его подлинность. О слепоте, причем возникшей внезапно, говорили особенности скелета (человек приспосабливается к новым для себя условиям, у него меняется

походка и т.д.). По черепу удалось даже определить, каким способом Рудаки был ослеплен. О потере одновременно всех зубов говорил характер края альвеолярных отверстий. Вся эта интереснейшая работа описана в книге «Опыт воспроизведения документального портрета по скелету из Панджруда».

О детстве в окружении черепов

- Маргарита Михайловна, Вы родились в 1934 году в Ленинграде. Михаил Михайлович Герасимов в это время работал в Институте истории материальной культуры.

— Да, отец работал в ИИМКе и одновременно – заведовал реставрационной мастерской Эрмитажа. У него руки были очень хорошие, это было нужно там.

- Ваши детские воспоминания как-то связаны с его работой, с антропологической реконструкцией?

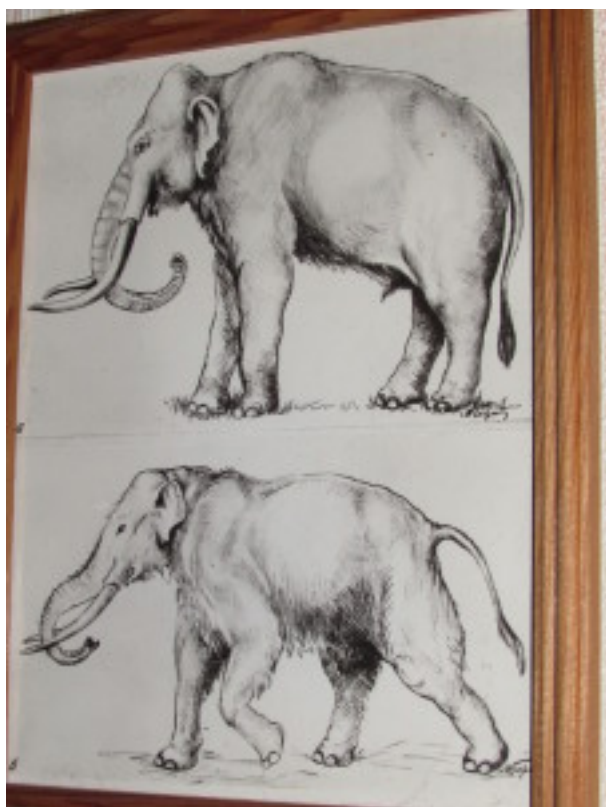

Преистоценовые животные, рисунок М.М.Герасимова.

— С какого-то возраста, конечно. Когда мы жили в эвакуации в Ташкенте, отец уже занимался реконструкциями. А когда мы переехали в Москву (институт перевели из Ленинграда), мне было 10 лет. Мы жили у тетушки, и помню, я увидела, что на рояле стоит коробочка, и в ней лежит ус (один из усов Тимура). И я не могу превозмочь желание его потрогать (хотя вообще-то мы были очень воспитанными детьми). Протягивая к нему руку, и в этот момент голос папы – «Рита, как ты могла?!». Да, мы все время были окружены его работой, и нам это не казалось чем-то странным или страшным. Ну, череп и череп...

Отец все время работал, его руки постоянно были заняты – он или рисовал, или резал, или лепил, часто занимался этим на кухне. Хотя при этом его нельзя назвать трудоголиком. У нас не было такого правила: «тихо, тихо, папа работает...». Вот он сидит, лепит, прибежишь к нему – «Папа, там такой фильм идет!» — все откладывает, и мы идем в кино. Но когда работал, любил идеальный порядок. И мы к этому привыкли.

- Замечательны рисунки и фигурки животных — я и не представляла, что Михаил Михайлович – такой прекрасный анималист. Откуда у него художественный дар?

Плейстоценовые животные, рисунок М.М.Герасимова.

— Его дед был художником. Хотя, когда отца в детстве повели в художественную школу, там ему вынесли вердикт, что «Мишенька художником не будет никогда». Оказалось, ошиблись. Но талант у него раскрывался постепенно. Сохранились старые рисунки отца, когда он делал реконструкции, и по ним видно, как год от года они становились лучше.

О войне и Ташкенте

- Как ваша семья пережила войну?

— В 1941 году мне было шесть с хвостиком, сестренке только исполнилось два, и мама отправила нас в деревню. Мама же все время работала – она была стенографисткой и машинисткой, мы засыпали под стук машинки.

(с фотографии на стене смотрит красивая дама в элегантном наряде.

«Маме здесь всего 18 лет, и на ней бусы, снятые с елки, а шаль – это на самом деле скатерть», — комментирует Маргарита Михайловна.)

А папу пригласил Лев Васильевич Ошанин, его старший коллега, в комиссию, которая занималась вскрытием могилы Тимура. И вот об этом до сих пор ходят ужасные легенды – о том, что «Герасимов выпустил дух войны». 22 июня уже в 5 утра бомбили Киев, а в 12 часов отец вынул череп Тимура, и все побежали слушать радиоприемник – объявили войну. Я много раз объясняла журналистам, что в надписях на гробнице никаких предостережений не было – они все расшифрованы. И вообще, Вторая мировая началась не в 1941-м, а в 1939-м. Но все равно по телевидению был показан чудовищный фильм, и в интернете эти бредни постоянно повторялись.

Так что отец в это время продолжал работать. А мы были в деревне. Помню, что у нас за околицей упала бомба, и все дети бегали смотреть не воронку. Помню, что стало плохо с едой, и моя двухлетняя сестренка от голода перестала ходить. И мама решила нас вывезти, добралась до нас, а у нее на руках был грудной ребенок. Было уже очень трудно уехать – поезда не ходили, я помню, что мы шли 25 километров, чтобы уехать. Но у меня не было совершенно никакого трагического восприятия жизни, ну совсем... Потом мы ехали какими-то эшелонами, плыли по Каме, и приехали в Пермь, где врачом работал папин отец. А папа прилетел в Ленинград, стал нас искать и догадался, что мы у его родителей. Он за нами приехал, и мы отправились в Ташкент. О Ташкенте у меня остались самые лучшие воспоминания, жизнь была интересная, своеобразная. Хотя нас очень скудно кормили, как всех эвакуированных. Там я пошла в школу, которая находилась в тупике КИМа. Учиться мне в ней очень нравилось, больше, чем потом в Москве: в Ташкенте было как-то уютнее, по-домашнему. А Академия наук располагалась в Тамаре Ханум (это было училище имени узбекской танцовщицы или певицы). Вообще, я с удовольствием вспоминаю Ташкент, все время хотела туда съездить. Но потом случилось землетрясение. И мой приятель, который был там после землетрясения, сказал – не стоит ехать: Ташкента нашего детства больше нет.

Нас у мамы было три дочки, но из Ташкента мы вернулись еще с одной девочкой, ей было 16 лет, и она как-то естественно вошла в нашу семью. В Москве отец ее оформил как приемную дочь.

О работе М.М.Герасимова

- Маргарита Михайловна, расскажите про контрольные эксперименты, которые проводили с реконструкциями Михаила Михайловича.

М.М.Герасимов за работой

— А это было так. О работах отца узнали криминалисты, прежде всего, А.Д. Григорьев, судебный медик, который был с ним знаком еще по Иркутску. В Иркутске отец, еще мальчишкой, лет в 13-14, приходил в анатомический театр, и там Григорьев и профессор А.И. Казанцев, видя такой интерес, разрешали ему поработать. А потом отец получил из Ленинграда письмо: «Если вы тот самый Миша, то предлагаю вам провести контрольные опыты...». Так начались эксперименты по проверке достоверности реконструкций. Михаилу Михайловичу в Москву присылали череп, отец делал реконструкцию и отсылал обратно. В Ленинграде создали специальную комиссию, которая сравнивала этот череп с прижизненными или посмертными фотографиями человека. Эти эксперименты прошли успешно, и тогда реконструкцию стали использовать в криминалистической экспертизе как доказательную. Правда, потом от этого отказались, но стали ее широко использовать в деле сужения розыска. В этом деле она оказалась очень полезна. Вообще, все мы, краниологи, в той или иной степени занимаемся реконструкцией. Не обязательно пластической. Так, по одному «криминалистическому» черепу опытный краниолог Галина Викторовна Рыкушина описала некоего человека как опустившегося, деклассированного и добавила, что у него был неприятный запах изо рта — по состоянию зубов. Следователи так и ахнули.

Сейчас за границей криминалисты делают цветные реконструкции, красят волосы, глаза. Я не могла понять, почему мне это не нравится. А потом поняла. Знаете — есть разница между художником-анималистом и таксидермистом. Лицо всегда отражает личность, это индивидуальность. А за крашенными волосами и глазами это утрачивается. Такие слепки напоминают мне восковые скульптуры мадам Тюссо. Ну а еще сейчас можно делать прижизненные слепки черепа в 3D-технологии, и это, конечно удивительно. Я держала в руках такой слепок, и трудно было представить, что это череп живого человека. Было бы интересно по такому черепу сделать реконструкцию и провести контрольные эксперименты! Но вряд ли кто-то согласится — страшновато...

- Как дальше складывалась работа Михаила Михайловича?

М.М.Герасимов за работой над реконструкцией Ивана Грозного.

— У отца с работой было много сложностей, некоторые его просто гнобили. Когда-то, в 1947 или 1948 году его чуть не отчислили из института (ИИМК) за невыполнение плана по раскопкам. Он, конечно, ездил на раскопки, но в основном работал над пластическими реконструкциями. Но многие понимали ценность его работы. Известный археолог Александр Яковлевич Брюсов (брат поэта Брюсова) вместе с двумя другими авторами (к сожалению, я не помню их имен) написал письмо в газету «Правда» о том, что Герасимов занимается уникальным делом, которым больше никто в мире не занимается. Вскоре после этого отношение изменилось — отцу дали Сталинскую премию и постановили дать ему лабораторию.

Из ИИМКа Михаил Михайлович переходит в Институт этнографии, в сектор антропологии. Открывается лаборатория пластической реконструкции, для которой ему предоставили подвал на Пятницкой улице. Первые его ученики – все дамы: Галина Вячеславовна Лебединская, Таисия Сергеевна Сурнина, Наталья Николаевна Мамонова. Потом с ним стали работать Ираида Васильевна Каширина, замечательный муляжист, Александра Александровна Гончарова, рентгенолог. Но с помещениями фатально не везло. Был один подвал, потом другой подвал, но везде лабораторию затопляло фановыми водами, при этом гибли материалы. Михаил Михайлович заведовал лабораторией с 1950 по 1970 годы. У них был замечательный климат в коллективе, коллегиальность, они все друг с другом советовались, в общем, была настоящая команда. Я даже написала небольшой очерк о его сотрудницах «Герасимиды».

В последний год лаборатории дали новое большое помещение – возле Цветного бульвара. Отец оживился, хотел сделать там экспозицию, но уже не суждено было. Он заболел, и очень скоро его не стало. А помещение – снова подвал — опять ждала такая же судьба: стало заливать. Много материалов погибло, в том числе рентгеновских снимков.

- Как продолжается это направление после М.М.Герасимова?

— После Герасимова лабораторией руководила Галина Вячеславовна Лебединская, потом Татьяна Сергеевна Балужева, сегодня руководит Елизавета Валентиновна Веселовская. В том, что касается концепции работы, есть два подхода. Герасимов считал, что надо разрабатывать типологию лица одновременно с типологией черепа, чтобы выяснять, каким элементам и особенностям в строении деталей лица соответствуют детали черепа. А Георгий Францевич Дебеч был биометриком и считал, что нужно измерять все, что только можно. Но цифры не всегда совпадают с антропологической оценкой в баллах, иногда видишь глазом то, что не отражается при измерении. Надо иметь глаз морфолога, чтобы видеть.

Можно использовать разные подходы. Г.В.Лебединская – художественно одаренный человек, и этот свой дар она использовала в реконструкциях, Т.С.Сурнина работала точно по предложенной методике, но тоже получались прекрасные реконструкции. Сейчас в лаборатории преобладает второй подход. Например, вычисляют ширину рта или носа по коэффициенту регрессии, создавая таким образом «обобщенный портрет», но при этом теряется индивидуальность портрета. Хотя авторы продолжают считать, что они создают индивидуальный портрет. Для создания «этнического» портрета или портрета носителя той или иной археологической культуры – это не принципиально, но для создания портрета исторического лица – не очень, с моей точки зрения, приемлемо. Хотя, вот, например, сегодня в лаборатории есть Равиль Галеев, очень творческий человек, у него хороший глаз, хорошие руки и хорошая школа, он работает в том же стиле, что Михаил Михайлович.

- Можно ли сказать, что реконструкция «проявляет» череп?

— Да, конечно. Мы же привыкли видеть лица, а не черепа. Не все черты наш глаз может увидеть на черепе, многое он может увидеть только на реконструкции. И иногда реконструкция помогает ответить на некоторые вопросы. Например, родезийский человек — его считали неандертальцем, но Михаил Михайлович полагал, что это более древняя форма. И сейчас его рассматривают как гейдельбергского человека. Реконструкция это выявила.

(продолжение следует)

беседовала Надежда Маркина